

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Волдина Т.В.

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
ул. Мира, 14А, Ханты-Мансийск, 628011
E-mail: tatyanaoldina@yandex.ru

ХАНТЫЙКИ-ГОРОЖАНКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI в.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ, ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ»

Цель статьи — проследить изменение этничности в трех поколениях хантыйских женщин («матерей», «дочек» «внучек»), проживающих в столице Ханты-Мансийского автономного округа — Югре. Актуальность работы обусловлена значительным увеличением численности городского населения — представителей коренных народов Севера в Югре, где наблюдается преобладание женщин, им же принадлежит ведущая роль в современной культуре хантов. В то же время в условиях города происходит постепенное «размывание» этнического самосознания.

Ключевые слова: Югра, Ханты-Мансийск, этничность, автоэтнография, городская среда, хантыйские женщины, ассимиляция.

Введение

Представление о себе как части определенного этнического сообщества люди проносят через всю свою жизнь. У кого-то оно более определенное, а у кого-то уже «размыто». Каждый человек — продукт своего времени, и при этом его самосознание во многом обуславливается его этнической идентичностью — принадлежностью к конкретному народу, через которую осваивается и закрепляется этничность. Этничность — достаточно подвижная категория. Ее определяют как устойчивую и отчетливую самоидентификацию, основанную на этнической принадлежности, которая касается в основном национальных меньшинств, противопоставляющих себя национальному большинству; или как свойство, принадлежащее тем, кто признается членом данного общества, обладающего общими культурными чертами, в том числе общими предками и общей историей, проявляющееся в результате взаимодействия с членами более широкого общества, имеющего другие культурные черты. Общность культуры, в свою очередь, обычно включает в себя религиозные верования и практику, язык, общее понимание течения истории, общих предков, общую историческую родину [Герандоков, 2009, с. 28–30]. И как отмечал Ф. Барт, «культурные черты, которые обозначают эту границу, могут меняться; культурные характеристики членов (этнических групп) также подвержены трансформации; организационные формы группы — и те могут изменяться. И только факт постоянной дихотомии между членами [группы] и «внешними» позволяет нам определить (этническую) общину и исследовать изменения культурных форм и содержаний». Барт полагает, что «этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло, и это влечет за собой сложную организацию поведения и социальных отношений» (цит. по: [Герандоков, 2009, с. 20]).

Наиболее ярко этничность выражена в традиционной среде — естественной для сохранения культурных традиций, которая связывается с родовыми местами, сельской местностью. Цель данной работы — отразить особенности выражения этничности у хантыйских женщин разных поколений, проживающих в городских условиях, проследить ее изменения и преемственность на примере жительниц Ханты-Мансийска.

Объекты исследования. Методика/методология

В городах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры проживает наиболее образованная и активная часть коренных малочисленных народов Севера (далее — также КМНС), занимающая ведущее положение в их консолидации. Еще в 2002 г., согласно статистическим данным, там проживала треть представителей коренных народов, и это число постоянно растет. Для рассмотрения обозначенной темы город Ханты-Мансийск идеален, так как именно там сосредоточены основные силы национальной интеллигенции, созданы общественные институты и учреждения, являющиеся частью современной этнической культуры хантов и манси. Согласно последней переписи 2020 г., он

занимает третье место среди муниципальных образований Югры по количеству коренных жителей (Березовский р-н — 5766; Кондинский р-н — 4749; Ханты-Мансийск — 3966; Белоярский р-н — 2689). Но, в отличие от этих территорий, его обско-угорское сообщество включает в себя выходцев из разных диалектно-этнографических групп и представлено в основном людьми с высшим или средним профессиональным образованием. Ранее мной были опубликованы социологические заметки об обских уграх, проживающих в Ханты-Мансийске [Волдина, 2007], со статистическими выкладками о численности КМНС в Югре, в том числе относительно горожан, а также проведен соц-опрос, в котором был обозначен круг волнующих их этнических вопросов. В ответах выходцев из сельской местности хорошо заметна разница с теми, кто родился уже в городской среде. Эта работа послужила толчком к дальнейшему наблюдению.

Еще по историческим меркам относительно недавно, несколько десятков лет назад, Ханты-Мансийск был небольшим по численности населения, и группа обских угров не была значительной, городские ханты и манси не только знали друг друга «в лицо», но и были связаны тесным общением, личными контактами. И позднее, при постепенном росте численности населения в столице Югры, также растущее сообщество прибывающих в город представителей коренных народов сохраняет компактность, взаимосвязи и общение на личном уровне, они по-прежнему знают друг друга «в лицо» или по крайней мере владеют информацией друг о друге. Наиболее представительной частью этого сообщества являются женщины, которые руководят учреждениями, проектами в области культуры, ведут научные исследования, легко коммуницируют. В качестве «эталонных» для данного исследования взяты истории известных хантыек, родившихся в 1930-х гг. в традиционной среде, но ставших горожанками, а также истории их дочерей и внучек, рожденных уже в городе.

Этничность представителей коренных малочисленных народов Севера, в нашем случае — представительниц хантыйского народа, в городах является пока слабоизученной, но достаточно перспективной темой, так как она напрямую связана с пониманием истории формирования современной культуры КМНС. Это достаточно сложная и многогранная тема, пересекающаяся с вопросами межнационального общения, сохранения этнического самосознания, взаимовлияния этнических культур, воздействия на этничность профессиональных сообществ и этнопсихологических факторов, а также исторических и этносоциальных процессов, включая метисацию, ассимиляцию и т.п. Соответственно к изучению этой темы могут быть разные подходы и аспекты ее изучения весьма разнообразны.

На данный момент в отношении обских угров можно выделить два основных ракурса рассмотрения обозначенной темы: «взгляд со стороны» и «взгляд изнутри», которые друг друга хорошо дополняют. В первом случае в качестве примера можно привести работы Е.А. Пивневой «Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений [2017] и другие, где она затрагивает вопрос о влиянии города на этничность / этническую идентичность [2013, 2018]. В центре внимания этих исследований стоят в основном выходцы из сельской местности — «аборигены», ставшие горожанами в первом поколении. Именно они позиционируют себя как «настоящие» ханты и манси, сохраняют связь с родиной, а следовательно, с традициями и ярче всего проявляют себя в качестве представителей своей культуры. Одним из маркеров их этничности, выведенных Е.А. Пивневой, выступает такая черта городских хантов, как экофильность. При этом исследователь также отмечает, что «в современном урбанизированном пространстве все более явно проявляются процессы стандартизации, унификации, массивификации, а также коммерциализации обско-угорской этнической культуры [Пивнева, 2017].

В работе «Наука как форма общественного развития северных этносов» [2002] Н.В. Лукина (также исследователь «со стороны») стремится максимально объективно отразить мировосприятие опрошенных ею «северян». Рассматривая зарождение научного направления как части их современной культуры, среди прочих важных наблюдений она отмечает, что женщины в этой сфере составляют две трети, а мужчины — треть, среди них научную степень, за редким исключением, имеют в основном женщины. Эту разницу Н.В. Лукина объясняет с позиций предписанных (независимых от способностей и усилий, характерных в основном для традиционных обществ) и достигаемых (личность достигает своими собственными усилиями) статусов. Как несомненный факт она отмечает, что «в достигаемых социальных статусах... женщины северных этносов реализуют себя гораздо чаще, чем мужчины» [Лукина, 2002, с. 18–19].

Взгляд «изнутри» характерен для этнографов из числа представительниц самого хантыйского народа, которые не просто наблюдали, но и сами ощущали трансформации, происходившие с ними. Например, этнограф-ханты и горожанка в первом поколении М.А. Лапина пишет,

что в условиях города частично нарушена система этических народных традиций, многие из которых здесь оказываются не востребованными, такие как промысловая, экологическая и часть религиозной этики. «По-новому строятся отношения в семье, с родственниками, с трудовым коллективом, с предметами быта, с пространством в жилище. Новые черты приобрели обряды перехода. Вместе с тем в условиях города часть народной этики хантов, видоизменившись, перетекла в современную жизнь. К таковой относятся, в частности, религиозно-мифологическая, пищевая, застольная этика, этика взаимоотношений с родственниками, приветствия и прощания» [Лапина, 2013].

О проблемах сохранения этнической идентичности и сохранения этнического самосознания писала Т.А. Молданова, которая также имеет хантыйское происхождение, является горожанкой в первом поколении и как исследователь представляет «взгляд изнутри». Это хорошо видно даже в выборе опрошенной ею аудитории: одна часть — интеллигенция г. Ханты-Мансийска, другая — ханты р. Казым, которых она знает лично, т.е. хорошо чувствует и понимает, зачем она ставит эти вопросы и для чего нужно такое исследование прежде всего самим хантам. Она пишет: «...те, кто сегодня соотносит себя с хантыйским этносом, далеко не однородны. По многим вопросам имеют различные точки зрения. В то же время они едины в одном, в желании поднять статус хантыйского народа» [Молданова, 2012, с. 159].

Основными методами исследований «изнутри» являются включенное наблюдение, а также автоэтнография (АЭ) [Соколовский, 2017]. В пользу такого подхода приведем слова С.В. Соколовского: «Исторически сложилось так, что в значительной части работ российских антропологов встреченные ими во время полевых исследований люди изображаются как бы лишенными чувств — вся их богатая эмоциональная жизнь, острые реакции на происходящее и собеседников остаются за кадром. От такого рода редукции страдают и описания культуры, и описания общества. Исследования аффективной стороны нашей жизни методом этнографии, включая АЭ... может стать стимулом для пересмотра или уточнения многих концепций, касающихся человека, культуры и общества» [2017, с. 184].

Учитывая это, я выбрала наиболее адекватный вариант рассмотрения данной темы, а именно помещение себя в центр исследования, так как, родившись в Ханты-Мансийске в семье национальной интеллигенции — хантыйских поэтов, журналистов и общественных деятелей, знакома со всеми известными представителями своего народа, от поколения моих родителей до современных выходцев из традиционной среды, выбравших местом проживания столицу Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Принадлежа к обско-угорскому сообществу Ханты-Мансийска и занимаясь этнографическими исследованиями, наблюдая в том числе за процессом развития современной этнической культуры коренных народов округа, сама являюсь в определенной мере ее участником.

Хантыйское происхождение и принадлежность к горожанам во втором поколении дает возможность легко выделить три поколения из своего окружения. Дополнительное преимущество этой позиции — застала поколение бабушек в сельской местности и на моих глазах появилось новое — четвертое поколение. Выделив для себя из хантыйского городского сообщества три первых поколения, непосредственно связанных со мной, определила их как модель, которая дает понимание тех постепенных, но неизбежных и закономерных изменений в этническом сознании представителей хантыйских родов, осевших в городской среде, а также те этнические «константы», что передаются здесь, в городе, от поколения к поколению, позволяя сохранить представление о себе как части этнического хантыйского сообщества. Конечно же, как любая модель, она ограничена, но позволяет уловить общие тенденции в трансформации хантыйской этнической идентичности в городской среде.

В качестве отправной точки в данном исследовании лежит представление о том, что наиболее ярко этничность проявляется у тех, кто вырос в сельской местности. Именно там, в традиционной среде, сохраняется глубинная связь со своим родом (= народом), воспроизводится этническая родовая «матрица». Она поддерживается близостью родовых культовых мест, единством кровных родственников, регулярной ритуально-обрядовой деятельностью, обычаями, фольклором. Это естественная среда бытования родного языка. Предки современных горожан жили органично в этой среде, даже несмотря на все политические и социальные трансформации, происходившие в стране и на территории Югры.

Результаты

Как отмечают исследователи, «начало формирования нового социального слоя — городских хантов и манси — относится к 1960-м гг. ... Это привело к преобладанию в городском населении горожан

в первом и втором поколении. Те, кого сегодня можно назвать городскими, так или иначе поддерживают связи со своими сельскими родственниками» [Гивнева, 2017, с. 229].

По данным социологов, уже в конце 1980-х — середине 1990-х гг. женщины составляли большинство из числа обских угров, проживающих в городской среде, что объяснялось их мобильностью, стремлением получить высшее образование, они легко и чаще вступают в межнациональные браки, в отличие от более закрытых и сдержанных мужчин-хантов, приверженных традиционному образу жизни, традиционным видам деятельности, а следовательно, более привязанных к местам традиционного проживания [Мархинин, Удалова, 1996]. Действительно, мужчины издревле являются хранителями родовых культовых мест, исторически им отведена роль гарантов сохранения традиционного уклада жизни в своем роду через исполнение всех важнейших функций для поддержания его существования. В то время как женщины всегда выступали связующим звеном между разными родами, переходя из рода отца в род мужа, и не были обременены обязанностями поддержания этой родовой «матрицы», при этом, сформированные в ней, они также являлись ее носителями. В изменившихся исторических условиях это и позволило им быть более мобильными и открытыми и одновременно представлять свою культуру, ее ценности в новых реалиях. К концу XX в. уже более трети хантов проживало в городах, из них женщины по-прежнему составляли большинство.

Таким образом, мужчины более привязаны к своему роду, патриархальный характер которого обязывает их быть хранителями родовых святынь, тогда как женщины заняли ведущие позиции при «освоении» новой для хантыйского сообщества городской среды и выглядят более «жизнеспособными» в ней. Судьбы мужчин-хантов горожан во многом будут им близки, но их обобщенная характеристика будет существенно отличаться, и для нее потребуются отдельное исследование.

Итак, рассмотрим три поколения хантыек-горожанок, сложившихся на период 1960-х гг., когда появились условия для «оседания» в столице Ханты-Мансийского округа представителей коренных народов — формирования их творческой и политической элиты.

Первое поколение — «матерей»¹, рожденных в 1930–1940-е гг. Сейчас это преклонного возраста горожанки (многие из них оставили этот мир сравнительно недавно), выросшие в традиционной среде и захватившие время наибольшей сохранности народной культуры. Они впитали в себя исконные родовые традиции, но воспитывались по канонам советского времени (многие — в школах-интернатах). Их жизненный путь во многом похож, его алгоритм был задан политикой советской власти в отношении коренных малочисленных народов Севера. В свое время они выделялись как лучшие ученицы, окончили, как правило, Ханты-Мансийское педагогическое или медицинское училище, затем — Ленинградский институт народов Севера или Омский мединститут. В этой возвращенной среде национальной интеллигенции были не только педагоги и медицинские работники, среди них — первые хантыйские поэты и писатели, журналисты, художники, музыканты, другие деятели культуры.

В научном издании «Ровесницы Ханты-Мансийского округа...», подготовленном историком А.Г. Киселевым, опубликованы записанные им воспоминания выпускниц педагогического и медицинского училищ — представительниц данного поколения, среди которых есть известные хантыйки, родившиеся в традиционной среде и большую часть жизни прожившие в Ханты-Мансийске [2020]. Эта книга дает представление о менталитете этого поколения, его ценностях. В основе самосознания этих людей лежали усвоенные от родителей в детстве народная мифология, традиции и обычаи. Они, как правило, прекрасно знают фольклор, народную культуру, через всю свою жизнь пронесли представления о своих родовых духах-покровителях и соответствующих им родовых культурах. Все они прекрасно владеют родным языком. С детства усвоив традиционные этнические ценности, в течение жизни они сохранили им верность и транслировали их не только на уровне семьи, воспитывая своих детей, но и для более широкого круга людей посредством тех видов деятельности и возможностей, которые предоставляет им городская среда.

Для многих из женщин этого поколения был типичен моноэтничный брак, но, утратив супруга, они выходили замуж, как правило, за представителей иноэтничного окружения. Однако даже в этом случае они обычно оказывали сильное влияние на мировоззрение своих супругов, приобщая их к хантыйским традициям.

Второе поколение — «дочек», рожденных в конце 1950-х — 1970-е гг., этническое самосознание которых складывалось уже в условиях города. Часть представительниц этого поколения роди-

¹ Среди известных представительниц первого поколения — первая хантыйская поэтесса и сказительница М.К. Волдина, заслуженный врач Е.М. Сагандукова, исследователи, авторы учебников Е.А. Нёмысова, А.М. Тахтуева, Е.Н. Вожжакова, С.М. Кононова, журналисты Т.С. Себурова, М.С. Ользина и мн.др.

лись в сельской местности, но, переехав жить в город в детстве, сформировались как личности уже в городских условиях, как и те, кто родились в городе. Многие из наследия предков представительницы второго поколения усвоили от своих матерей, что-то взяли из литературы, но все же в большей степени впитали в себя ценности, манеры поведения своего городского окружения.

Во втором поколении связь с традиционной средой еще сохраняется, усваиваются некоторые традиции. Многие его представительницы застали своих бабушек, живших в сельской местности, пытавшихся разговаривать с ними на родном языке. Но сами они на родном языке уже фактически не говорят, хотя, как правило, частично понимают хантыйскую речь. В городе, даже таком как Ханты-Мансийск, уже нет среды, где бы хантыйский язык использовался активно. Например, по моим воспоминаниям, и в детском саду, и в своем классе я была всегда единственным ребенком ханты по национальности. Родную речь представители второго поколения слышали только в кругу родственников и могли овладеть хантыйским языком в пассивном варианте — на уровне понимания, если прилагали для этого определенные усилия. Так же обстоит дело с культурными традициями хантыйского народа.

Хантыйки, являющиеся горожанками во втором поколении, почти все испытали определенный психологический дискомфорт в детском возрасте, находясь в иноэтничном окружении. Как следствие, у многих сложились глубокие комплексы, в одних случаях послужившие причиной отказаться от своей национальности или скрывать свою этническую принадлежность, в других, напротив, — научившие защищаться и отстаивать себя, свою этническую идентичность, способствовавшие выработке соответствующих качеств. Но и среди «своих» они тоже не считаются «настоящими» хантыйками. Для преодоления маргинального состояния одни «уходят» от этих проблем, выбирая соответствующие сферы деятельности, чтобы не пересекаться с представителями своего народа, но в быту могут поддерживать родственные связи. Другие, наоборот, выбирают именно сферу родной культуры как возможность преодолеть свою маргинальность, добиваясь «культурной» компетентности за счет профессионализма, что позволяет им активно участвовать в развитии современной этнической культуры.

Представительницы второго поколения, как правило, вступают в браки с представителями других национальностей.

Третье поколение — «внучек-метисок», рожденных в середине 1980-х — 2000-е гг. Они еще частично сохраняют этническое самосознание, но на хантыйском языке могут знать только отдельные слова. Общение с бабушками (первым поколением) дает им определенное представление о традициях и даже в некоторых случаях владение практическими навыками в народном прикладном творчестве, позволяет познакомиться с песенно-танцевальным искусством народа и т.п., но они уже оторваны от традиционной среды. Рассказы их бабушек, давно живущих в городе, о родной культуре больше оформлены как ностальгические воспоминания о своем детстве и об ушедших родственниках, что не всегда воспринимается представительницами третьего поколения, так как интересы этой группы лежат уже в других сферах. Любое навязывание представлений о жизни, не актуальное для них и их окружения, может даже иметь обратный эффект. Нередко у них вырабатывается критичность по отношению к народным традициям, сопротивление их слепому соблюдению, так как эти стереотипы и правила сложились в других условиях и необходимы были для поддержания не характерного для них уклада жизни, часто выглядят в их глазах абсурдными. Например, по традиции старые вещи нужно относить в чистое место и оставлять под деревом, что совсем неприемлемо в условиях города, и т.п. Связь с хантыйской родовой «матрицей» у них минимальна, и сама хантыйская культура во многом носит для них «лубочный» характер, их представления о ней сформированы через призму мероприятий городской среды с участием коренных жителей (этнофестивалей и т.п.), а также экспозициями музеев. Основным источником о хантыйской культуре у них, как и у других жителей города, являются СМИ, но эта информация воспринимается уже как мало связанная с ними. Объективную картину им могли бы дать книги местных писателей, но их читают далеко не все; что касается этнообразовательных программ, то они практически отсутствуют в городских школах. Таким образом, поколение «внучек» уже мало чем отличается от других жителей города.

Когда представительницы третьего поколения выбирают творческие профессии, например художника, то могут использовать национальные мотивы, преломляя их через свое сознание, сформированное в городских условиях, существенно отличающееся от художественного восприятия их ровесниц, вышедших из традиционной среды. Так, если современные горожанки в первом поколении ратуют за то, чтобы сохранить в первозданном виде традиционные виды искусства (особенно

ярко это проявлено в сфере прикладного творчества), не приемля никаких новшеств в этой сфере (при этом сами нередко являются потребителями современного искусства), то представительницы третьего поколения готовы к использованию народных мотивов для создания чего-то нового.

Современные выходцы из сельской местности, кто приехал в Ханты-Мансийск сравнительно недавно (а поток переселенцев из сельской местности год от года растет), хоть и представляют собой уже несколько иной спектр характеристик, в то же время сохраняют общие черты с первым поколением представленной модели. Выделенные в ней особенности горожанок в первом поколении по-прежнему отмечаются, также ощущается разница между первым поколением хантыек, недавно приехавших жить город, и их детьми (вторым поколением).

В опросе Т.А. Молдановой приводится мнение метисок относительно своей этнической идентичности: если они относятся к первому поколению горожан, обычно «выбирают сторону хантыйскую», т.е. считают (идентифицируют) себя хантыйками. Хотя, как правило, не знают хантыйского языка. Вот одно из высказываний отражающих близкую к этому восприятию позицию: «Я не ханты и не русская... Я — маргинал, космополит... но меня задевает, когда плохо говорят о хантах, а вот если о русских говорят плохо, то никаких эмоций... будто меня это не касается» (30 лет, жен.) [Молданова, 2012, с. 159].

Истории современных хантыйских женщин, представляющих сегодня как первое, так и второе поколения, в общих чертах напоминает примеры, рассмотренные мною в качестве эталонных, но имеют и отличительные черты. Например, иногда очень ярко проявляется неприятие разницы, которую ощущают хантыйки, переехавшие жить в город (т.е. первое поколение), с теми, кто живет в городах с детства и не несет уже черт, выделяющихся как исконно хантыйские. Маркером, в частности, выступает владение родным языком. Известно, что сельские жители считают своих соплеменников, живущих в городах, «ненастоящими хантами». Те, кто вышли из деревень, но живут в городе и знает родной язык, нередко демонстрируют свое превосходство (иногда это выглядит как насмешка, раздражение и т.п.) перед горожанами, не владеющими в должной степени родным языком. Эта черта как негативная ярко представлена в ответах из опроса Т.А. Молдановой, респонденты видят в ней «стремление “утопить” того, кто “поднялся наверх”, “затоптать” молодых, не знающих языка» (38, жен., Ханты-Мансийск) [Молданова, 2012, с. 159]. При этом парадокс состоит в том, что дети и внуки таких людей, как правило, ничем не отличаются от тех, кого они «презирают», также уже не знают родного языка и более отдалены от родной культуры, чем они.

Заключение

Рассмотренные нами изменения этнической идентичности хантыйских женщин в трех поколениях говорит о закономерной трансформации этнического самосознания в условиях города. Этот естественный процесс обусловлен средой, а также метисацией городских жителей. Процесс ассимиляции этнических культур в городских условиях происходит быстрее. «Истинными» представителями традиционной культуры в условиях города являются выходцы из сельской местности, среди которых доля женского населения более значительна по сравнению с мужской. Первое поколение хантыек-горожанок, сохраняющее связь с традиционной средой, обычно владеет родным языком и представляет собой носителей этнической культуры, естественным образом транслирующих ее миру через фольклор, национальную одежду, прикладное искусство и т.п.

Второе поколение, занимая маргинальное положение по отношению к родной культуре и урбанизированной среде, если не отказывается от своих корней, способно воспринимать родную культуру, но уже на другом уровне. Они уже в большей степени носители общероссийской (или общечеловеческой) идентичности. Представительницы третьего поколения, как правило, не являются носителями родного языка и культуры, а их этническая идентичность выражается в сохранении памяти о своих предках.

Но именно из городской «ниши», независимо от принадлежности к той или иной группе, происходят те, кто создает «мосты», преломляющие традиционные ценности, включая их в культуру современную, помогает национальной культуре стать более понятной и доступной для широких масс с учетом современных реалий и новых технологий, решает одну из главных задач для своего народа — сохранить его культурное наследие, сделать его привлекательным и востребованным для будущих поколений региона. Примером такого подхода может служить проектная деятельность хантыйской интеллигенции в сотрудничестве с молодежью, направленная на актуализацию народных игр в регионе и превращения их в современные виды этноспорта [Волдина, Молданова, 2022].

В последние десятилетия в условиях глобализации границы между селом и городом начинают постепенно стираться, а сеть Интернет позволяет людям чувствовать свою причастность миру не только в городах. Изучение изменений этнической идентичности людей разных

поколений в рамках представленной модели позволит в дальнейшем сопоставить полученные результаты с процессами, идущими в последние годы и в сельской местности. Постепенно преодолевается прежняя изолированность даже в отдаленной глубинке, поэтому современные сельские ханты сформировались в уже изменившихся исторических условиях. Они родились в постсоветское время, в период активного вхождения в жизнь интернета и воздействия многих других факторов современности, когда стало сильнее ощущаться мощное влияние глобализации на традиционные культуры и наблюдались большие изменения в традиционной среде коренных народов Севера с трансформацией или утратой многих явлений культуры. В то же время связь с родовой «матрицей» у современных выходцев из села по-прежнему еще крепка.

Изложенные в статье наблюдения и выводы, как результат «внутреннего» осмысления, представляют собой лишь набросок, который со временем может развернуться в картину, более полно отражающую этническое мировосприятие современных представительниц хантыйского этноса, дополненную биографическими фактами, социальными выкладками, анализом конкретных событий современной этнической истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волдина Т.В. Ханты и манси в столице Югры: (Социологические заметки) // География и экология города Ханты-Мансийска и его природного окружения / Под ред. В.И. Булатова. Ханты-Мансийск: Инф.-изд. центр, 2007. С. 129–142.

Волдина Т.В., Молданова Н.А. Результаты актуализации игровых практик обских угров в ходе реализации проекта «Нумас юнт» 2021–2022 гг. (по данным социологического опроса и мониторинга социальных сетей) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 4 (51). С. 785–797.

Герандоков М.Х. Этничность и этническая идентичность: Теоретический аспект // Вестник МГУКИ. 2009. № 2 (28). С. 28–35.

Лапина М.А. Сохранение этических традиций хантов в условиях города // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 89.

Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 348 с.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: Состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного северного природопользования коренного национального и русского старожильского населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.

Молданова Т.А. Этническая идентичность современных хантов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанц. науч.-практ. конф. «X Югорские чтения» (20 декабря 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: Инф.-изд. центр, 2012. С. 146–159.

Пивнева Е.А. Город и традиция // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 88.

Пивнева Е.А. Северный город как этнографическое поле: Поиск новых измерений // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 225–338.

Пивнева Е.А. «Природу в квартиру не запихнешь...»: О некоторых этнических маркерах у обских угров г. Ханты-Мансийска // Социальная антропология города / Под. науч. ред. Е.А. Окладникова. СПб.: Л-Принт, 2018. С. 57–70.

Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска / Сост. и ред., автор предисловия А.Г. Киселев. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийска, 2020. 448 с.

Соколовский С.В. Жизнь как поле: Заметки об автоэтнографии // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 167–188.

Voldina T.V.

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Mira st., 14A, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
E-mail: tatyavoldina@yandex.ru

Khanty urban women in the second half of the 20th — early 21st century: continuity of ethnocultural traditions, a view from the “inside”

Ethnicity is a dynamic category based on ethnic background. Most clearly it is expressed in the traditional environment, natural for the preservation of cultural traditions, which is associated with ancestral places, rural areas. In recent years, the number of representatives of indigenous peoples of the North living in the cities of Yugra has increased significantly. The main force of national intelligentsia is concentrated in the city of Khanty-Mansiysk, public institutions have been created there that became a part of the modern ethnic culture of the Ob Ugrians. The most representative part of this community are women, they clearly show their creative nature. The purpose of this work is to capture the features of the expression of ethnicity among Khanty women of different generations living in urban conditions, to trace its changes and continuity using the example of resi-

dents of Khanty-Mansiysk. To assess this topic, a “look from the inside” is characteristic, the author places herself in the center of the study, as she belongs to this community. The stories of famous Khanty women who were born in the 1930s in a traditional environment but became citizens, as well as stories of their daughters and granddaughters born in the city, serve as a “reference”. The author concludes on the natural “blurring” of ethnic identity in city environment. This is a natural process caused by the environment itself, as well as by metisation of urban residents. The process of assimilation of ethnic cultures in urban conditions is faster. The “true” representatives of traditional culture in urban environment are those born in rural areas. The first generation of urban women (“mothers”) keeps in touch with the traditional environment, usually speaks their native language and appears as representatives of ethnic culture. The second generation (“daughters”) takes a marginal position in relation to their native culture and the urbanized environment, they are able to perceive their native culture, but at a different level; they rather carry a universal identity. Representatives of the third generation (“granddaughters”), as a rule, are not speakers of their native language and bearers of the culture, and their ethnic identity is expressed in preserving the memory of their ancestors.

Keywords: Yugra, Khanty-Mansiysk, ethnicity, autoethnography, urban environment, Khanty women, XX–XXI centuries, urban women in the first generation, assimilation.

REFERENCES

- Gerandokov, M.Kh. (2009). Ethnicity and ethnic identity: a theoretical aspect. *Vestnik MGUKI*, (2), 28–35. (Rus.).
- Kiselev, A.G. (Ed.) (2020). *The same age as the Khanty-Mansiysk Okrug: Memoirs of graduates of the national pedagogical and medical schools of Khanty-Mansiysk*. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiyska. (Rus.).
- Lapina, M.A. (2013). Preservation of the ethical traditions of the Khanty in the conditions of the city. In: *X Kongress etnografov i antropologov Rossii*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Lukina, N.V. (2002). *Science as a form of social development of northern ethnic groups*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Markhinin, V.V., Udalova, I.V. (1996). *Interethnic community: State, dynamics, interaction of cultures (based on sociological research in the areas of traditional northern nature management of the indigenous northern nature management of the indigenous national and Russian old-timers of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Moldanova, T.A. (2012). Ethnic identity of modern Khanty. In: *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Traditsii i innovatsii*. Khanty-Mansiysk, 146–159. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2013). City and Tradition. In: *X Kongress etnografov i antropologov Rossii*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2017). Northern City as an Ethnographic Field: Search for New Dimensions. In: Pivneva E.A. (Ed.). *Pole kak zhizn': K 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2018). «You can't stuff nature into an apartment...»: About some ethnic markers among the Ob Ugrians of Khanty-Mansiysk. In: Okladnikov E.A. (Ed.). *Sotsial'naya antropologiya goroda*. St. Petersburg: L-Print, 57–70. (Rus.).
- Sokolovsky, S.V. (2017). Life as a field: Notes on autoethnography. In: Pivneva E.A. (Ed.). *Pole kak zhizn': K 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 167–188. (Rus.).
- Voldina, T.V. (2007). Khanty and Mansi in the capital of Yugra (sociological notes). In: Bulatov V.I. (Ed.). *Geografiya i ekologiya goroda Khanty-Mansiyska i yego prirodnogo okruzeniya*. Khanty-Mansiysk: Inf. tsentr, 129–142. (Rus.).
- Voldina, T.V., Moldanova, N.A. (2022). The results of updating the gaming practices of the Ob Ugrians during the implementation of the Numas Yunt project 2021–2022. (according to the sociological survey and monitoring of social networks). *Vestnik ugrovedeniya*, 51(4), 785–797. (Rus.).

Волдина Т.В., <https://orcid.org/0000-0002-6527-370X>

Сведения об авторе: Волдина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

About the author: Voldina Tatyana V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 18.12.2023

Article is published: 15.03.2024